

Варвара Яковлева

Изумрудные глаза

Варвара Яковлева
Изумрудные глаза

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Яковлева В. К.

Изумрудные глаза / В. К. Яковлева — «ЛитРес:
Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-2649-7

В маленькой избушке посреди леса молодая беременная девушка, оставленная отцом, рассказывает незнакомому мужчине историю своей тяжелой жизни. Мужчина в ответ делится своими самыми страшными секретами.

ISBN 978-5-5321-2649-7

© Яковлева В. К., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

1

Николай Степанович подошел к столу и пристально стал вглядываться в окно. На дворе стояла снежная ночь. Большой лунный глаз освещал все вокруг. Хлопья снега, переливаясь бриллиантовым блеском, кружили вокруг пушистых елей, то и дело, укутывая иглистых стражей сибирского леса в драгоценные шубки. Совсем лысые тоненькие березы выглядели нелепо и понуро на фоне мощных красавиц елей. Природа точно зло подшутила над ними, воткнув пять штук посреди хвойного леса. Но это им совсем не мешало спать спокойным зимним сном.

На одной из берез что-то зашевелилось. Живой комочек засверкал большими желтыми глазищами. Два огромных шара смотрели точно на Николая Степановича и нетерпеливо угукали. Завидев крупную птицу, мужчина ухмыльнулся, подошел к старенькой морозильной камере и вытащил оттуда небольшой кусочек мяса. Повертев его в руке, точно стараясь убедиться, не слишком ли он мал, Николай Степанович, накинул выдавшую виды лисью шубку, явно когда-то предназначенную тучной женщине, влез в добротные черные валенки и поспешил на улицу. Снег скрипел под бодрим шагом немолодого, но крепкого здоровьем мужчины, словно подзадоривая его идти быстрее. Завидев своего приятеля, спешащего на встречу, желтые глаза расправили огромные белоснежные крылья и поспешили получить лакомство.

– Проголодалась, Зоя? – спросил у совы мужчина, протягивая озябшей рукой кусок крольчатины.

Желтые глаза схватили своими огромными когтями угощение и вернулись на березу. Благодарно угукнув, сова Зоя принялась уплетать мясо. Николай Степанович наблюдал за ней добрым и ласковым взглядом, пока от крольчатины не осталось и следа. Покончив с едой, Зоя пролетела круг возле мужчины, едва коснувшись его огромным крылом, и скрылась в лесу.

– Что за удивительное создание! – улыбаясь, проговорил мужчина и направился к дому, – И ведь не стащила за все годы ни одного никчемного цыпленка. Точно понимает, что я ей взятку даю. – Он засмеялся, выключил фонарь и вошел в дом.

Стянув с себя валенки и шубу, мужчина небрежно плюхнулся на старенький диванчик и потрепал черного кота за ухо. Кот, видимо привыкший к таким жестам хозяина, чуть вильнул хвостом и улегся у мужчины на коленях, издавая громкие звуки кошачьего наслаждения.

– Филька, – обратился Николай Степанович к коту, – что-то мне не спокойно. И вроде бы все как всегда, но нутром чую, что-то, да не так.

Филька зажмурил красивые зеленые глаза и перестал мурчать, будто бы и сам что-то почувствовал.

– Ну что ты? – мужчина принялся ласково гладить животное, – не слушай ты меня старого дурака! Это, видать, во мне возраст говорит, и жажда перемен. Как ни крути, а все-таки тяжело мужику одному остаться.

Кот выпустил коготки и стал их потихонечку загонять под кожу мужчины, не сильно, но достаточно, чтобы обратить на это внимание. Мужчина, однако же, ничего не замечая, продолжал:

– Все понимаю, Филька, сам дурак, сам свою жизнь до такого довел. Но что я могу поделать теперь? Разве что смириться, да смерти своей тихонечко ждать. Вот помру, и перестану страдать. И сразу перестанет меня совесть жрать. Впрочем, – он закатил глаза и поморщился, от чего его лицо приобрело болезненный вид, – впрочем, это не совесть, это эгоизм. Ведь разве ж я переживаю о других? Разве, в глубине души мне жалко тех, кого я оставил? – он тяжело вздохнул, и потер руками намокшие уголки глаз, – переживаю, конечно, Но не так,

как о себе. Жалею себя, жалею себя за свое одиночество. Жалок и противен я сам себе. – Кот снова замурлыкал, но как-то тихонечко, стараясь успокоить мужчину, – если бы не ты, да хозяйство, да еще Зоя, – продолжал он чуть слышным хрипловатым от слабости голосом, – давно бы руки на себя наложил.

Коту, по всей видимости, не по душе были такие откровения хозяина, и чтобы хоть как-то отвлечь его от своих мыслей, он со всей силы впился обеими лапами в человеческую плоть.

– Ах, ты ж! – взвыл Николай Степанович, замахнувшись на Фильку, но тут же опустил руку, так как морда кота приняла жалкое выражение, полное сожаления о своем поступке. – Негодник ты маленький! – сказал он уже ласково, – ну зачем ты меня так оцарапал?

– Муррррр

– Мурррр, – передразнил мужчина, сгоняя кота с колен, – есть хочешь?

На этот вопрос кот ответил жестом, обтираясь о ноги хозяина, и издавая какое-то особое на этот случай, мурчание.

Достав из холодильника баночку сметаны, Николай Степанович отковырял ложкой приличное для кота количество, и, положив на блюдце, предложил Фильке. Филька благодарно успел облизнуть палец хозяина, и уже не обращая на него более никакого внимания, занялся сметанкой.

– Приятного тебе аппетита, Филипп Батькович. – Николай Степанович набрал в небольшой тазик холодной воды, щедро намазал свое обильно усыпанное морщинами, лицо мылом, и быстро его смыл, ощутив неприятное жжение в глазах. – Филька, проговорил он, обращаясь больше к самому себе, чем к коту, – Ну каким же надо быть идиотом, чтобы собравшись умыться, не приготовить полотенце?

Практически вслепую, он подошел к старенькому, с облупившейся голубой краской, шкафчику, открыл верхний ящичек и достал зеленое в синий горошек полотенце. Обтерев лицо, он повесил полотенце на спинку стула, забросил несколько осиновых полешек в разгоряченную печку и лег на диван не раздеваясь.

Кот, увидев, что хозяин лег спать, прыгнул к нему, и, устроившись поудобней, так, чтобы его холодный мокрый носик упирался прямо в шею мужчины, замурчал убаюкивающую мелодию.

– И все-таки, – проговорил хозяин дома, проваливаясь в глубокий сон, – что-то будет.

В седьмом часу утра, Николай Степанович открыл глаза, сонно потянулся, присел на край дивана и поежился. В доме было прохладно. Накинув на себя свитер, требующий стирки, женскую шубку и поместив ноги в валенки, он направился за дровами. Было еще темно, и мужчина вынужден был включить фонарь, чтобы хоть что-то разглядеть под ногами. Снегу намело по колено. Пробравшись к дровянику, мужчина, кряхтя, набрал охапку дров и поспешил в дом. Не раздеваясь, растопил печку, заглянул в холодильник и с тоской в глазах достал последний ломоть колбасы.

– Да, – пробормотал он, – если Петр не приедет, придется самому в деревню идти. Продуктов совсем не остается. А как же идти, коли снегопады такие начались.

Мужчина отрезал кусок хлеба, сделал небольшой бутерброд, и тут же проглотил его. Зачерпнул ковшом воды из ведра, жадно осушив его, вытер подбородок, взглянул на часы и решил идти чистить снег.

– Филька, – крикнул он бодрым голосом коту, – иди колбасы дам. Колбаса последняя, между прочим.

Фильку долго упрашивать не пришлось. Он тут же вынырнул откуда-то из-под дивана и, распушив свой огромный хвост, вальяжно последовал на кухню.

– Завтрак подан, – сказал мужчина, наблюдая за котом. Затем надел шапку, теплые рукавицы и вышел на улицу.

Достав из кладовой лопату, он принялся очищать тропинки.

– Раз лопата, два лопата. . . . Двадцать пять лопата, – говорил мужчина, каждый раз вываливая из лопаты снег. – Еще три лопаты и передышка.

Он остановился, посмотрел на темное небо, и увидел на нем красные огоньки пролетающего самолета. Мужчина вдруг изменился в лице. Глаза приобрели оттенок сумасшествия. Николай Степанович принялся прыгать, размахивая руками и истерично хохотать.

– Ау!!! – говорил он в паузах между хихиканьями, – я здесь! Меня кто-нибудь видит? Я здесь совсем один! Схожу сума! – и вновь разразился диким хохотом. – Уже пятый год один.

Смех сменился слезами. Они катились из добрых, небесно голубых глаз мужчины и грустно скатываясь по квадратному подбородку, утопали в недрах лисьей шубки. Немного погодя, успокоившись, утер свое не по годам морщинистое лицо и вновь принялся за снег.

– Раз лопата, два лопата. . . .

Покончив со снегом, мужчина открыл сарай, и, вдохнув запах сена и свежего разнокалиберного навоза, вошел внутрь, нашарил рукой выключатель и включил свет. Тут же его поприветствовала вся скотина: козы Машка и Наташка, козел Макар, свинья Лялька с шестью месячными поросятами, корова Зорька с теленком без имени, бык Славка, баран Кузьмич с тремя овцами на сносях, десять куриц и петух.

– Доброе утро мои дорогие, – сказал Николай Степанович, и, взяв вилы начал обход хозяйства по отсекам. – У вас, милая Лялочка, – обратился он к свинье, – что-то совсем грязно сегодня, давай-ка почистим. Свинья деловито хрюкнула и попятилась в угол своего отсека, за ней последовали и поросята. – Тьфу ты, – выругался мужчина, – ведро-то твое с едой, я совсем забыл, Лялька. Ну, ничего, – сказал он, точно успокаивая многодетную мамашу, сейчас я с остальными управлюсь, и непременно тебе принесу.

Закончив в сарае, Николай Степанович прошел в конюшню. Кобыла Вьюга облизывала приличного размера комок слизи, заслышав шаги мужчины, наострила уши.

– Ба! – воскликнул Николай Степанович, – да у нас прибавление! – но заметив настоженный взгляд кобылки, заговорил уже спокойнее, стараясь успокоить мать, – ну-ну, не бойся, красавица. Ты же знаешь, я не обижу. Наполнив кормушки водой, и побаловав кобылку, а заодно и жеребца, стоящего на привязи, овсом, мужчина перекрестился и поспешил оставить кобылу с жеребенком наедине.

Накормив и напоив все хозяйство, Николай Степанович вынес угощение и для огромного лохматого волка, беспрепятственно бродящего по округе. Большую мясную кость мужчина оставил на крыльце, как бы в условленном месте. Каждое утро он оставлял там кость, а к вечеру она пропадала.

Всего дважды мужчине удалось увидеть это животное. В первый раз, примерно три года назад, зима тогда выдалась суровой. В одну особо холодную ночь, Николай Степанович услышал жалобный вой, выйдя на улицу, он обнаружил там лохматую псину, явно замерзшую напуганную и оголодавшую. Мужчина зашел через сенки в зимнюю кладовую, достал оттуда замороженную куриную тушку, и оставил ее на пороге дома, а сам отошел чуть подальше, решив понаблюдать. Приближаться к животному Николай Степанович не рискнул.

Животное пристально смотрело на мужчину, но не двигалось, скалилось, но скорее от страха, чем от жестокости своей. Тогда мужчина вышел из сенок на крыльцо и обратился к зверю:

– Ты уж извини, но на улице ночь, и не самая теплая, как ты, должно быть, заметил. Так что вот тебе еда – он указал рукой на кость, – а вот тебе ночлег, – он указал второй рукой на сенки, – входную дверь я закрывать не стану, чтобы ты смог зайти, но вот дверь в жилое помещение, закрою. Располагайся. И будь добр, скотину мою не трогай. Спокойной тебе ночи.

Наутро мужчина животного не обнаружил, но на старых тряпках в сенках отчетливо выделялась вмятина, очевидно, волк спал именно на них. Кроме того, тушка курицы пропала.

Второй же раз, лесного жителя, Николай Степанович увидел через неделю. Стоял теплый зимний день. Мужчина чистил снег, как вдруг, спиной почувствовал, что за ним кто-то наблюдает. Резко повернувшись, он увидел недавнего ночного гостя, держащего что-то окровавленное в зубах.

– Здравствуй, гость лесной, – неуверенно обратился мужчине к животному, стараясь подавить свой страх. Днем волк казался более крупным и не таким уж изможденным, как той морозной ночью.

Животное медленно стало приближаться к дому, а мужчина с каждым шагом волка, отступал от него назад.

«Вот черт, и ружье-то в доме, не достать, – подумал Николай Степанович, – пришел мой смертный час, – он зажмурил глаза и приготовился к нападению. – Прости меня, Господи, за все грехи мои. И за один грех, особенно прости».

Но волк и не собирался нападать, дойдя до крыльца, он разжал челюсти, выпуская добычу изо рта, затем внимательно посмотрел на Николая Степановича, и в мгновение скрылся за деревьями.

Мужчина стоял все это время с закрытыми глазами, боясь открыть их и увидеть клыки зверя над своим лицом. Однако ж, через несколько минут, он набрался смелости и приоткрыл их. Волка нигде не было. На крыльце что-то лежало.

– Надо же! – радостно и одновременно шокировано вскрикнул мужчина, – да это же заяц! Вот это волчья благодарность. А я-то старый дурень, думал, что он меня сожрать решил. А потом еще громче прибавил, – Спасибо тебе, волк! – мужчина поднял за уши мертвого зверька, тот оказался тяжелее, чем казался на первый взгляд. – Приходи каждое утро, – продолжал кричать мужчина, радостно трясая зайцем у головы, – я буду оставлять на крыльце для тебя угощение.

И Николай Степанович сдержал свое слово, Каждое утро он оставлял что-то для своего лесного знакомого. Конечно, кормить каждый день волка куриными тушками или мясом он был не в состоянии, но миску каши, или супа он оставлял исправно, не забывая иногда баловать и мясом. Волк тоже не ограничился одним зайцем. Несколько раз в месяц, он оставлял на крыльце кроликов, зайцев, весной приносил бобров, в общем, установились между ними, своего рода приятельские отношения. Однако волк предпочел больше на глаза не показываться, а принимать угощение и приносить дичь тайком.

Вернувшись в дом, Николай Степанович подкинул дров в печь, разделся, приготовил себе травяной чай собственного сбора и, наслаждаясь, горячим ароматным напитком, задумался вслух:

Надо завтра выбираться. Иначе зиму не протяну. Зерна надо, овса. Сено, благо, заготовили вдоволь. Продуктов надо. Черт с ней с колбасой, все равно после разморозки на вкус она напоминает водоросли с хлебом. А вот крупы, муку, соль, сахар, масло...это надо. – После небольшой паузы, он добавил, – Да! Решено! Завтра запрягаю Ветра, и еду. Нельзя более тянуть. Снегопады начались. Дальше хуже будет. А ведь только начало декабря. Филипп, – обратился он к черному коту, мирно спящему на диванчике, – ты завтра остаешься за главного! Никого без меня не пускать, и с чужими разговоры не разговаривать.

Он рассмеялся над своими словами, прекрасно понимая, как глупо они звучат. За четыре с лишним года, его проживания здесь, к нему заезжали пару раз в год только охотники, да несколько раз заблудившиеся деревенские грибники. А однажды, пять подростков, прослышав от старших о мистическом доме в лесу, намеренно набредали на него. Но уви-

дев самый обыкновенный дом с самыми обыкновенными пристройками, поговорив с самым обыкновенным мужичком отшельником, тут же теряли к этому месту всякий интерес.

И все же, дом этот был если и обыкновенным, то история его не могла не привлекать. Когда Николай Степанович уставший и голодный обнаружил этот дом, радости его не было предела. Еще бы, дом посреди леса. Не сторожка лесника, не охотничий домик, а настоящая русская изба! Забор, обнесенный вокруг дома и построек, покосился от времени, кое-где и вовсе отсутствовал. Небольшой огород, видневшийся из-за разваливающегося дровяника, манил голодный взгляд путника. Из сарая доносились вопли скотины, казалось, что животных несколько дней не кормили и не давали воды.

Дверь дома оказалась открытой, мужчина постучался. Не дождавшись ответа, ступил на порог без приглашения.

– Хозяева! – прокричал он. – Хозяева, разрешите войти? Я очень голоден.

Но на его обращения ответил только толстый черный кот с огромными зелеными глазами. Животное обтерлось о ноги гостя, мякнуло, точно приглашая войти, и направилось в комнату.

Николай Степанович разулся и огляделся. Маленькая кухонька с аккуратно забеленной синей краской печкой, простой деревянный стол с вязаной голубой скатертью в нелепый желтый цветочек, два табурета, полочки под кухонную утварь, явно сделанные вручную и весьма давно. Небольшой холодильник, грязненький чугунный чайник.

– Хозяева! – повторил свою попытку мужчина, – Есть кто дома?

Ответа вновь не последовало. Тогда мужчина зашел в первую комнату. В углу стоял старенький зеленый диванчик, два таких же стареньких кресла, на полу лежали несколько тканых вручную половичков. У стены стоял комод с огромным зеркалом. На комодe мужчина усмотрел начатый тюбик вазелина и какой-то исписанный лист бумаги. Во второй комнате стояла металлическая на пружинах кровать, аккуратно застеленная вышитым пледом, лакированный шифоньер с плетеными корзинками наверху, два плетеных стула со спинками. К стенам были прибиты полки, уставленными книгами. Увидев книги, Николай Степанович одобрительно кивнул, и вернулся в первую комнату. Его взгляд вновь притянул комод, а точнее лист бумаги. Не зная зачем, он взял его в руки, мысленно извиняясь перед хозяевами за такую наглость, стал его изучать:

«Здравствуй, гость. Как это банально ни прозвучит, но, если ты читаешь это письмо, значит, мое тело уже остывает где-то в лесу. Я знала, что ты придешь. Откуда? Да ведь ты сейчас стоишь в доме бабки Марфы. Полагаю, этого объяснения вполне достаточно. Несколько дней назад, я ясно почувствовала, что меня скоро призовут в мир иной. Я так же увидела во сне, что сюда придешь ты. Я знаю, что всю твою жизнь ты коришь себя за то, что сгубил не одну невинную жизнь. Наверное, судьба именно поэтому привела тебя в мой дом. Оставшись здесь, оставив свое прошлое за гранью леса, тебе выпадет шанс искупить свой грех. Не сегодня, не завтра, но такой шанс обязательно выпадет. Здесь есть все для сносной жизни. Скотина, огород. В погребе у меня есть всевозможные запасы. Денег ты сумеешь раздобыть себе на жизнь скотиной и птицей. Да и много ли одинокому мужику надо? Никогда никому не отказывай в помощи. С какой бы просьбой к тебе не пришли, помоги.

Будь терпелив. Марфа».

Лицо Николая Степановича перекошилось от ужаса, он не раз слышал, рассказы об ужасной ведьме Марфе, которая варила любовные зелья, насылала на людей болезни, неурожай, и даже будто бы воровала детей, издевалась над ними для... Впрочем, для чего, никто толком не мог и объяснить. Просто когда пропадали в лесу ребяташки, то родители всенепременно спешили обвинить во всем старую Марфу. Стражи порядка только смеялись над подобными обвинениями в адрес старухи. И все же, приходилось им к ней наведываться

время от времени по наводке жителей деревни. Но всякий раз, испив вкусного чаю, и принеся многочисленные извинения перед бабушкой Марфой, блюстители закона убирались восвояси, ни с чем. Внешность у бабки Марфы была самая заурядная. Чуть узковатые всегда веселые, почти детские глаза, добродушная улыбка, курносый нос. Свои некогда черные, как смоль, но теперь седые волосы, она прятала под платком. В целом, от нее веяло душевностью, теплом, и каким-то уютom. Однако от ее светлого образа не оставалось и следа, когда старушка была чем-то недовольна. Взгляд становился колючим, своими узковатыми глазками она точно буравила обидчика, чуть прищурившись и оскалившись, она желала ему счастья, которого человек напрочь лишался...

Молодые деревенские девки бегали к ней за приворотными зельями. Старуха, за небольшую плату в виде продуктов, давала им пузырьки с какой-то вонючей жидкостью. И те счастливые уходили домой, рассказывая, какая все-таки она жуткая и мерзкая, эта ведьма. И кот у нее черный и мерзкий. Точно дьявольское отродье.

В той деревне и родился Николай Степанович. Его родители держали небольшое хозяйство. Отец, Степан Аркадьевич, был трактористом и работал в местном колхозе. Мать, Маргарита Александровна, была учительницей по профессии, однако, все время посвящала ведению домашнего хозяйства и детям. А детей было у нее семеро. Жила семья Сорокиных скромно, можно даже сказать, что бедно, но они никогда не жаловались на свое положение, были доброжелательны и отзывчивы. Николай Степанович был старшим сыном в семье. Как это и бывает в больших семьях, старшему ребенку пришлось быстро повзрослеть, оставив детские забавы, чтобы помогать отцу и матери. Почти все свое время он проводил с младшими братьями и сестрами, помогал матери по дому, ухаживал за скотиной, помогал отцу в полях. Когда же у него находилась свободная минутка, он спешил в школьную библиотеку, хватал первую попавшуюся книгу и возвращался домой, читать. Страсть к чтению возникла у него как-то сама собою, без какого-либо повода. Читал он все, без разбору. Однако, в учебе не преуспевал. Не хватало мальчику усидчивости. Он не мог сосредотачиваться на чем-то одном. Даже дома, читая книгу, он умудрялся поиграть с младшенькой Анечкой, починить игрушку Павлику, и показать младшему его на год Алешке как здорово стреляет рогатка.

Николай рос очень добрым ребенком. Никогда не отказывал он в помощи одноклассникам. Деревенским старухам с охотой помогал в чистке снега зимой, а летом в поливе огорода. Колодец имелся не у каждого дома, поэтому, многим приходилось ходить к соседям, а то и вовсе к реке. За свою помощь Николай получал баночку разносолов или варенья, и изредка немного денег «на шоколадку».

Среди одноклассников он не имел особой популярности, но и не считался изгоем. Грудью вставал за пухлую Аленку, которую то и дело ребята норовили обидно назвать, а то и кинуть в нее какой-нибудь гадостью. Когда Николай впервые вступился за Аленку, а было это классе в пятом, девчонка смущенно потупила свои милые коровьи глазки и пробормотала что-то невнятное.

– Не обращай на них внимания. Что с них глупых взять? – ответил ей на бормотания мальчик и побежал к другим ребятам.

Девочка смотрела ему вслед, а в глубине ее доброго еще совсем юного сердечка зарождалось совсем не детское чувство. Каждый день она внимательно наблюдала за парнем в школе, тихонечко вздыхала, а когда он это замечал, тут же отворачивалась, покрываясь красными пятнами.

Когда Николаю было пятнадцать лет, к ним в деревню, переехала семья с красавицей дочкой. Алина была на год младше Николая. У нее были необыкновенной красоты длинные волнистые волосы цвета лесного ореха, и невероятно большие зеленые глаза. Носик чуть вздернут, подбородок округл и мил. Ее тело уже приняло соблазнительные округлые женские формы, чего она немного стеснялась. Беспорочная одежда не была помехой для вни-

мательных глаз мальчишек, так что они наперебой волочились за юной красавицей. Девушка обладала очень бойким характером, в ее живых глазах то и дело проскальзывал дьявольский озорной огонек, делающий выражение ее красивого лица еще более прекрасным. Для мальчишек она стала чем-то вроде эталона женской красоты. А вот другим девчонкам она была не по нраву. Он смотрели на нее всегда со злобой и завистью.

– Ишь, приехала, фифа. Космы свои распустила, мальчишек одурманила своими накрашенными губками, наверняка уже с парнями гуляет. – Шептались между собой одноклассницы.

На сплетни и злобу девочек, Алина старалась не обращать никакого внимания. Кроме того, с одной из девчонок, ей все же удалось подружиться. С Аленой она быстро нашла общий язык. Девушке нравилось, что эта полненькая неказистая девчонка, была обладательницей очень доброго сердца и мягкого нрава. Алена же в свою очередь была несказанно рада обрести друга. А тем более, подружиться с самой красивой девчонкой в школе. Она, как собачка ходила повсюду за своей новой подругой, помогала ей делать домашнее задание, выполняла за нее творческие и практические работы. В свою очередь Алина звала ее гулять и старалась не давать в обиду мальчишкам.

Однажды, когда Алина простудилась, и неделю не ходила в школу, Аленке вновь стало доставаться от своих одноклассников. Они точно забыли, что дергают за волосы и обзывают «хрюндедем» лучшую подругу своего кумира. Николай не смог спокойно смотреть на издевательства над Аленкой. Когда его приятель Петька в очередной раз дернул Аленку за ее светлую жиденькую косичку, парень подскочил к обидчику и со всей силы ударил ему кулаком прямо в лицо. Петька плюхнулся на пол и схватился за покрасневший глаз.

– Больно? – крикнул ему, задыхаясь в гневе Николай. – Ей, – он показал рукой на Аленку, – между прочим, тоже больно. Если хоть кто-то, – он с вызовом глянул на рядом стоявших ребят – еще раз ее обидит, я тому голову оторву!

Аленка смотрела на него восхищенным и благодарным взглядом.

«А может быть он меня тоже любит?» – промелькнуло у нее в голове. – «Нет, не может он такой смелый и красивый, полюбить меня» – решила она.

Тем же вечером, Аленка побежала навестить свою больную подругу и рассказала ей все случившиеся. Алина слушала подругу внимательно. Ее зеленых глазах то плясали чертики, то проскальзывали боль и отчаяние. Сложно сказать какие именно эмоции охватывали девушку.

– Право же, – говорила она взволнованно, почти шепотом, – из-за тебя за меня вступился. Ну, потому что ты дружишь со мной.

– Не говори глупостей, Алена, – отвечала ей подруга сипловатым от болезни голосом, – он единственный, кто на меня даже и не смотрит. Я все удивлялась, как так. А теперь вот и ясна мне причина его холодности и отстраненности, – девушка вдруг стала бледнеть на глазах.

– Алиночка, – забеспокоилась Аленка, – тебе плохо? Может быть мать позвать?

– Нет, милая, не беспокойся обо мне. – Алина попыталась взять себя в руки и спокойно продолжала, – подумай сама, Аленушка, ко мне он равнодушен абсолютно, ни разу, ни сумку донести не предложил, ни до дома проводить, даже не присел со мной за парту. А за тебя вступился. Петьке морду набил. Нет, дело тут не во мне. Мне кажется, нет. Я даже уверена, что тебя он полюбил.

Коровьи глазки Аленки светились счастьем от слов подруги. Она чуть было не взвизгнула на радостях, точно поросенок. Но вовремя спохватившись, уладила свой порыв и крепко обняла подругу.

– Я такая счастливая!

– Да, ты счастливая. – Шепотом сказала Алина .

– Погоди, – отодвинулась Аленка, – так если он любит, отчего же молчит?

– Не знаю, быть может, стесняется?

– Да, – горько согласилась Аленка, – как же ему не стесняться любви к такой корове, как я.

– Ну что ты говоришь такое? – начала Алина, но взглянув на подругу, поняла, что лгать, говоря о красоте и грации Аленки, будет просто глупо. Тогда она решила повернуть разговор в другое русло. – А как там Петька? Учителям не жаловался?

– Нет, – засмеялась девчонка, – он еще и выгораживал Коленьку перед ними. Сказал, что поскользнулся и ударился головой.

– Ну да, – подхватила Алина, – о Колькин кулак.

Когда подруга ушла. Алина не спала всю ночь, ее бил озноб, температура сильно поднялась. И наутро родители, уже не зная, как помочь своей девочке, повезли ее в больницу. Там девушка провели две недели, а после еще неделю дома.

Все это время Аленка не находила себе места. Она не сводила глаз с Николая. Но подойти к нему и объясниться не находила в себе сил. Сам же Николай, делал вид, будто ничего и не происходило. Он как всегда крутился среди мальчишек, или в библиотеке, не подавая Аленке ни малейшего знака или намека на свои чувства.

«Пожалуй, он действительно меня стыдится» – каждый раз перед сном думала Алена.

Алина вернулась в школу совсем не такой, какой ее помнили одноклассники. В ее глазах погас задорный огонек. Лицо стало бледным, и худым. Даже безупречные волосы уже не казались такими безупречными.

Однажды Николай подошел к Алине.

– С тобой все хорошо? – спросил он.

Девушка удивилась и на мгновение просияла, но лишь на мгновение.

– Да, спасибо. А в чем дело?

– Мне просто кажется, что ты в последнее время сама не своя. – Он не сводил с девушки свой внимательный ласковый взгляд, от которого у нее затряслись ноги.

– Ты так за всех переживаешь?

– Нет, не за всех. Может быть, прогуляемся вечером? Мне кажется. Ты в последнее время совсем не выходишь из дома.

«Что это он?» – подумала Алина, – «Сейчас, наверное, попросит и Аленку с собой взять»

– Тебе слишком много всего кажется. – Девушка улыбнулась, – но ты прав, прогуливаюсь я действительно не часто, то больница, то постельный режим.

– Значит сегодня вечером?

– Хорошо. – Немного помедлив, она добавила, – только ты и я?

Николай пожал плечами.

– Если хочешь, можешь позвать с собой подружку.

– Почему бы тебе самому её не позвать? – вспыхнула от огорчившего ее ответа Алина.

– Странная ты, – удивился Николай, – ну хорошо, если ты настаиваешь, то я сам ее позову.

И он направился к Аленке, которая внимательно следила за ними, поверх «читаемой» книги.

Вечером того же дня. Аленка, Алина и Николай, неспеша прогуливались по деревне, вдыхая сладковатый весенний воздух. Под ногами уже не хрустел приятно снег, на смену ему пришло хлюпанье грязи и звонкое пение птиц. Ребята шагали молча, точно не зная о чем им говорить. Наконец, парень взял на себя инициативу и спросил у Аленки:

– Тебе никогда не хотелось уехать отсюда?

– Нет, – ответила, чуть покраснев та, – мне кажется, что дом человека там, где он родился, а значит, глупо его покидать в поисках чего-то лучшего. В конце концов, что может быть лучше дома? Не зря же, в старости человек стремится вернуться туда, где он родился.

– Интересная мысль, ответил Николай, – А ты, Алина, что думаешь по этому поводу?

– Мне кажется, что отсюда нужно уезжать. Мне здесь душно. Места мало. Каждый день я вижу одни и те же лица, которые меня раздражают. Я задыхаюсь здесь.

– Если я тебя раздражаю, – проговорил спокойно парень, – то ты могла бы просто отказаться от прогулки со мной.

– Дело не в тебе, – ответила спешно девушка. – Я же не говорю, что кто-то конкретный мне не нравится. Просто, душа хочет чего-то нового, неизведанного.

– Это все потому, – подхватила Аленка, пухлой рукой поправляя скатившуюся на глаза синенькую шапочку, – что ты родилась не здесь. Или просто не пришла еще к такому умозаключению.

– По-твоему, я дура малолетняя что ли? – Алина пристально посмотрела на подругу и приподняла одну бровь – верный признак глубочайшего раздражения.

– Нет, ну что ты! – испугалась обидеть подругу Аленка! – просто у каждого свой взгляд на такие вещи. Но мне почему-то кажется, что все мы, даже если уедем, захотим вернуться в отчий дом. Но может быть, это мне только кажется. – Добавила она почти шепотом. – Коль, – обратилась она к парню, – а ты сам-то хочешь уехать?

– Да, я хочу уехать, мне кажется, что не стоит понапрасну хоронить себя в этой глуши. На свете слишком много прекрасных мест, чтобы заживо в молодости хоронить себя дерене.

Алина чуть улыбнулась, радуясь схожести мнений. И тут же представила, как было бы здорово им с Николаем вдвоем уехать в какое-нибудь другое место. И совсем неважно в какое! Пусть даже это будет деревушка еще меньше этой, или совсем домик в глухом лесу! Главное, чтобы там не было ее. Этой странной некрасивой полной девушки, которая смогла чем-то покорить сердце ее любимого.

– Знаете, девчонки, – опять прервав тишину, спросил парень, – в школе все голову ломают. Вы как вообще сошлись?

– Ты имеешь в виду, как мы подружились?

– Да.

– Ну, – протянула Алина, нахмутив свои изящные бровки, – это как-то само собой получилось. Я просто села на свободное место возле Алены, когда пришла к вам в класс. Мы разговорились. Так и стали общаться. Аленка очень добрый и отзывчивый человек. Я рада, что мы с ней познакомились.

– Правда? – вспыхнула Аленка, растянув в улыбке рот до ушей.

– А зачем мне врать? – удивилась Алина. – Я настолько сильно ценю нашу дружбу, что пожертвую очень многим ради нее.

– Я тоже очень многое готова для тебя сделать.

– Девушки, – вмешался Николай, – я тут не лишний случайно?

Парень засмеялся, а девчонки один голос воскликнули

– Нет!

– Тогда, – продолжил он, улыбаясь, – не будете ли вы против, если мы с вами пройдемся до магазина, и я угощу вас мороженым?

Девушки не были против такого предложения. А Алина и вовсе была рада сменить тему разговора. Слишком тяжело ей было делать подобные заявления, в присутствии человека, одно слово которого могло заставить ее отказаться от всего вышесказанного.

Они прошли по мосту, под которым уже разливалась река. Вода была мутная, но течение ее завораживало. Ребята свернули с моста, и пошли к магазину.

С того дня эта троица была неразлучна. Все свободное время они проводили вместе. В школе все удивлялись тому, как парень влился в женскую компанию. Мальчишки кипели от зависти, ведь никому из них не удавалось даже раз уговорить Алину прогуляться с ними.

Родители Николая заметили перемену в сыне. Он стал задумчивым, молчаливым и все время спешил на улицу. Пропало его рвение к книгам, к младшим братьям и сестрам он стал относиться более холодно, не скрывая того, что проводя время с ними, он упускает что-то важное в своей жизни.

– Что это с сыном, мать? – спрашивал Маргариту Александровну Степан Аркадьевич.

– Весна, – улыбалась в ответ жена, – влюбился видать.

– Да в кого ж это влюбился-то?

– В Аленку Захарову, судя по всему. Ты разве не знаешь, что он за нее в школе заступает? – пожала плечами женщина, вытирая вымытую после ужина посуду.

– Как в Аленку? – удивился отец, – Да неужели же?

– Что это тебя так удивляет? Хорошая девочка. Полноватая немного, но для счастья семейного это не так уж и важно.

– Что же, и о свадьбе уже подумывают? – округлил глаза Степан Аркадьевич.

– Да нет, это я так, события тороплю. – Улыбнулась Маргарита Александровна.

Степан Аркадьевич сплюнул и тихонько проговорил,

– Мне так больше Алинка Бухарова нравится. У той хоть мордашка смазливая, да и фигурка ничего.

Собственно, сказал он это, недостаточно тихо, потому как в следующую секунду жена шуточно накинулась на него с полотенцем и, смеясь, стала колотить его:

– Ах ты, прохвост старый! Неужто на девок молодых потянуло, и жена старухой казаться начала?

– Ну, милая, – засмеялся супруг, уворачиваясь от полотенца. – Ты же знаешь, что я только тебя люблю. А кого там Колька любит, так это его дело, хоть лошадь кривоногую. Лишь бы голову не терял, об учебе не забывал.

Родители возлагали на Николая большие надежды. Они мечтали, как он сдаст экзамены, поступит в институт, получит хорошую профессию и будет жить в городе, не забывая о своей семье. Но их надеждам не суждено было оправдаться.

Николай чувствовал, как его привязанность к Алине росла с каждым днем. Он любил в ней буквально все: ее огромные зеленые глаза, ее голос, взгляд на жизнь. Ему нравилось, когда она вспыхивала как спичка, в разгоравшемся споре, и тут же угасала, не желая ругаться с друзьями. Он так же не мог не замечать, как круглолицая Аленка равнодушна к нему. Она все время находилась рядом. Пыталась найти повод прикоснуться к парню. То у него пальто испачкалось, то в белокурые волосы что-то попало, а то и вовсе на носу появлялась невидимая грязь, которую она с особой нежностью и медлительностью, точно растягивая время, вытирала кончиками своих пухлых пальцев.

Шло время. Николай уже более не мог скрывать своих чувств к зеленоглазой красавице, и перед своим восемнадцатым днем рождения решил открыть ей свои чувства. Сентябрьским вечером, воспользовавшись тем, что Аленку задержали в школе рисовать плакаты к осеннему балу, Николай пришел к Алиному дому и попросил ее прогуляться с ним к реке.

Дул еще теплый по-летнему ветер, солнце спешило скрыться за горизонтом, разукрашивая небо пестрыми красками. Под ногами приятно хрустели опавшие листья тополей и берез, напоминая, что, не смотря на теплую погоду, осень набирает силу.

– Алина, – обратился парень, к девушке с трудом скрывая волнение, – мне надо тебе сказать что-то очень важное.

Алина остановилась и посмотрела на него внимательно своими умными и прекрасными глазами.

– Алина, дело в том, – он помолчал, как бы думая еще стоит, или не стоит открывать ей свои чувства. А потом скороговоркой проговорил, – я тебя люблю.

Девушке показалось, что она ослышалась. Слишком уж неожиданное заявление сделал молодой человек.

– Что прости?

Николай, не решаясь посмотреть в глаза своей возлюбленной, еще раз произнес

– Я тебя люблю.

Алина долго не произносила ни слова. В ее голове пролетал ураган мыслей. Она никак не могла счесть происходящее за реальность.

– Давно? – спросила она, чтобы хоть что-то сказать.

– С первого дня, как тебя увидел.

– Почему не сказал сразу?

– Как я мог? – воскликнул молодой человек, – ты само совершенство! Вокруг тебя всегда крутились все наши. Я был безумно рад, что ты согласилась на дружбу со мной. Я дышал каждым твоим жестом и вздохом, но не смел тебе сказать об этом.

– А мы думали, что ты любишь Алену. Как же это так? – не переставляла удивляться девушка.

– А при чем тут Алена? – спросил парень, разводя руками. – Я не слеп, я вижу, что нравлюсь ей, но я в этом не виноват.

– Зачем ты давал ей надежду? – уже с обидой за подругу спросила Алина.

– Когда? – искренне удивился парень.

– Ну как же! – заторопилась объяснять девушка. – Ты ведь ее защищаешь, оберегаешь и ...

– Милая, Алина, – парень улыбнулся, – ну а кем бы я был, даже в собственных глазах, если бы позволил кому-то издеваться над бедной девчонкой? Я просто не мог поступать иначе! Она ведь мой друг!

– А кто же я?

– Ты тоже мой друг. – Ответил он грустно. Но тебя я еще и люблю.

Алина не выдержала. Из глаз ее хлынули слезы. Она, наконец, поняла, как сильно заблуждалась. Николай никогда не любил Алену, а просто считал своим долгом оберегать это несчастное создание с доброй душой. А она была слепая. И из-за своей слепоты внушила несчастной Алене мысли о любви Николая к ней. Это не он дал Аленке надежду на взаимность, а она. Она своими собственными руками растила надежду на несбыточное счастье в душе своей единственной подруги и лишала себя возможности быть счастливой.

– О господи! – вскрикнула она, – Да за что мне все это? Ведь это же из-за меня все. Из-за меня она к тебе привязалась. Ведь это я дала ей надежду на любовь твою.

– Я не понимаю тебя, – сказал Николай, утирая слезы с лица девушки. – Как ты можешь быть виновата в чем-то?

– Ах, – оттолкнула его руки девушка, – ты не понимаешь! Ведь это я ей сказала, что ты ее защищаешь, потому что любишь! Я и сама в это поверила! И всячески лелеяла эту надежду в ней, хоть и любила тебя все это время.

– Значит, – с надеждой в голосе заговорил молодой человек, – и ты меня любишь?

Парень приблизился, и хотел обнять Алину, но та с силой оттолкнула его от себя.

– Уйди, – прошептала она. Уйди, пожалуйста.

– Не могу, – отозвался он. – Не могу оставить тебя одну таком состоянии. Это будет не по-дружески.

– О! – девушку заколотила от гнева. В одно мгновение отчаяние превратилось в непреодолимую злобу и ненависть. Ненависть на себя, что была слепа, ненависть на Николая, который трусил, и игру в друзей, ненависть к Аленке, которая втиснулась в ее жизнь и загубила ее. – Ты еще и издеваешься! – прошипела Алина.

– Извини. – Сказал парень. – Но я не оставлю тебя одну здесь посреди улицы. Давай, я хотя бы тебя провожу до дома. И вообще, я не понимаю, чего ты так ревешь. На мой взгляд, – парень попытался обнять Алину, чтобы успокоить ее – мы должны радоваться, что наши чувства взаимны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.